

ЦЕНЗОР ВПОПЫХАХ

(Лесть в виде грубости)

Предисловие

Я давно уже помышляю, любезный читатель, о возможности предъявить публике такое произведение человеческого слова, в котором грубость (грубиянство, обличение) являлась бы в приятном сочетании с лестью и которое в одно и то же время удовлетворяло бы требованиям современности и не противоречило намерениям начальства. Если существуют на свете прогрессивные ретрограды и ретроградные прогрессисты, то почему же не существовать лести в виде грубости и грубости в виде лести! — думал я, и думал, надеюсь, правильно. Нет сомнения, что грубость в диком состоянии, грубость абсолютная, в государстве, пользующемся покровительством законов, невозможна; но с другой стороны, не подлежит сомнению и то, что публика настоятельно требует, чтобы писатели грубили как можно сильнее. Посему задача писателя знаменитого обрисовывается сама собою. Он должен действовать, так сказать, двуутробно: одною утробой изливать яд и хулу, другую — источать тонкую паутину лести. Я знаю, что и до меня некоторые отличнейшие писатели выказывали в этом смысле намерения, заслуживающие всякого поощрения, но считаю, что опыты их были не совсем удовлетворительны, ибо лесть буйствовала в них слишком исключительно и притом во всей своей наготе. Я же, напротив того, думаю, что в литературном упражнении лесть должна быть распространена в виде тончайшего эфира. Поэтому, замечая за собой такой правильный образ мыслей,

я решился. Я нарочно взял для испробования своих сил на этом поприще предмет самый, по-видимому, неприступный; думаю, пусть выйдет, что выйдет, но пускай же ведают россияне, что для россиян ничего неприступного не может быть. Вышло хорошо.

Примечание редакции «Свистка». Все примечания к этой статье составлены самим автором.

Бьет час ночи^{*}. В одной из блестящих частей города, в великолепной и роскошно убранной квартире^{**}, развалившись на гамбсовском мягком пате⁵², полулежит цензор и читает журнальные корректуры. Глаза его следят за корректурой, а мысли витают в эмпиреях государственного благоустройства^{***}. Он думает о серьезном характере лежащих на нем обязанностей; он думает, что, с одной стороны, он не должен стеснять силы верно-благонамеренных излиятий, а с другой стороны, не должен стеснять самого себя в мерах к ограждению молодых и неопытных писателей от могущих последовать для них неприятностей^{****}.

— Моя задача двойственна, — говорит он, лениво опуская руку, державшую корректуру, — и между тем она единотождественна. Я преследую две цели, а между тем обе эти цели составляют, в сущности, одну и ту же цель.

Успокоенный этою мыслью цензор снова принимается за корректуру и вдруг вскакивает, как ужаленный.

* Намек на то, что цензора обременены работами, но вместе с тем и на то, что цензора производят свои работы ночью, когда добрые люди занимаются только колдовством.

** Намек этот дает понятие о получаемом цензорами достаточном содержании, но вместе с тем внушает, что содержание это едва ли ими заслужено.

*** Показывает, что цензор человек мечтательный, и что мечтательные люди по большей части отличаются добросердечием. Но вместе с тем показывает, что и мечтательность в некоторых случаях не может считаться признаком добросердечия.

**** Означает, что, несмотря на добросердечие, сей человек тверд. Комментарий обоюдоострый.

— Что это они пишут! что это они пишут! — вскрикивает он и, как бы не веря глазам своим, подносит корректуру к богатой бронзовой лампе, в которой весело пылает блестящее пламя фотогена. Чтобы лучше увериться, он начинает читать вслух, с точным соблюдением всех знаков препинания.

«И потому, принимая в соображение, что, в существе вещей, общество привлекается к обсуждению сего предмета в размерах весьма благонадежных, мы думаем, что упомянутый выше проект представляет залогом преуспевания весьма изрядного *****»...

— «Мы»? кто это «мы»? — прежде всего восклицает ***** взволнованный цензор, — ты, ты, ты — и никто больше!

Но мало-помалу чувства цензора утихают и принимают серьезное направление. Дело в том, что нынче «мальчишки» так писать изловчились, что сам черт их не разберет. Хвалят они или издеваются, сочувствуют или только

276

так время проводят — определить это можно разве только посредством «Ключа к тайнам природы»⁵³. Мало того, что сами писать изловчились, но и цензуру к такому своему противоестественному слогу приучили и постепенно (вот где пригодилась постепенность!) достигли, наконец, того, что вещи отлично благонамеренные, но писанные слогом размазистым, весьма часто не проходят, а вещи противоестественные, написанные слогом, так

***** Ничего не означает.

***** По-настоящему следовало бы сказать «неистовствует», но боюсь, не пройдет. Пуст так и остается «восклицает», но пусть читатели все-таки знают, что я не прочь сказать и «неистовствует».

сказать, вывороченным наизнанку, проходят весьма благополучно*.

— О черт возьми! что он хочет сказать этим? — рассуждает цензор, ходя по комнате и зажавши себе обеими руками уши. Он знает, что когда человек желает пристальнее сосредоточить на чем-нибудь свое внимание, то непременно должен зажать себе уши**.

— Что он хочет сказать этим? — повторяет цензор. — «Сего предмета!» какого это предмета!

Некоторый тайный голос шепчет цензору, что для того чтобы знать, какое значение скрывается в словах «сего предмета», надобно прочесть фразу с самого начала. Он следует совету тайного голоса и читает.

— Ну, «сего предмета» — это ничего; это просто означает: «предмета сей статьи»... но что он хочет сказать посредством: «в размерах весьма благонадежных?» Любезничает он или ругается?***

С одной стороны, слово «благонадежный», как доказывает это присутствие в нем слова «благо», имеет смысл совершенно благонадежный. С другой стороны, мало ли случалось в истории примеров, когда слова самые благонадежные оказывались впоследствии самыми неблагонадежными? Так, например, в древности Тиверий (см. драму г. Костомарова «Кремуций Корд»)54 всегда выражался, по-видимому, весьма благонадежно, но впоследствии всегда же оказывалось, что он принадлежал к тайной секте «свистунов».

— А какое имеешь ты право давать словам автора непрямые толкования? — шепчет тайный голос****.

* Означает, что всякое дело надо делать умеючи. Сверх того, означает, не следует ли издать закон, которым вменялось бы авторам в обязанность выражаться понятно и категорически? И еще сверх того означает, не следует ли предоставить авторам свободу выражаться, как им хочется?

** Обозначает внимание, с которым цензор исполняет свои обязанности.

*** Обозначает: и этого-то ты понять не можешь!

**** Обозначает, что закон (тайный голос) сам по себе всегда благодетелен, но исполнители не всегда следуют внушениям его. Объяснение для всех удовлетворительное.

— Черта с два! «право»! — отвечает цензор тайному голосу, — чай, у меня жена и дети есть!*****

В голове его зреет проект: для рассмотрения нигилистских сочинений определить цензора из нигилистов; разумеется, такого нигилиста, который понимал бы нигилистские диалоги, но, в сущности, был бы человеком благо: намеренным. Посредством такой комбинации достигалась бы двойная цель во-первых, всегда был бы под руками человек, который нигилистскую кабалистику

277

мог бы читать à livre ouvert*, и во-вторых, в лоно благонамеренности поступала бы лишняя заблудшая овца**.

— А что, если никто не пойдет?

Ну, тогда можно прибегнуть к другому средству: можно, например, взять малолетнего сына каких-нибудь бедных родителей и отдать его в обучение к нигилистам, а когда он всем их приемам научится, то определить в цензоры.

— А что, если он так там и погрязнет?

— Ну, нет! шалишь! Этак и проектов, пожалуй, совсем нельзя писать будет! — рассуждает цензор и снова принимается за корректуру.

— «Залогии преуспеяния весьма изрядного!» гм:... «изрядного!» Что такое «преуспеяние изрядное», да еще «весьма изрядное»? Что они со мной делают! Не пропустить — не могу!.. ну, нет, врешь, могу!

***** Обозначает, насколько узы естественные сильнее уз государственных. С другой стороны, обозначает, что и естественные узы, при силе воли и строгом исполнении предписаний начальства, можно переобороть.

* без подготовки, с листа (франц.). — Ред.

** Проект сей столь полезен, что говорит сам за себя. А потому обращаю на него внимание гг. командующих на заставах. С другой стороны, внезапное возникновение подобного проекта не доказывает ли вообще легкость, с какою такие проекты возникать могут!

Цензор опять обращается к корректуре и начинает выправлять ее. Вследствие поправок выходит следующее: «и потому, принимая в соображение, что, в существе вещей, общество привлекается к обсуждению сего предмета, мы думаем, что упомянутый выше проект представляет»...

— И точка, — говорит цензор, — ну, да, и точка. Дальше! «а так как при сем имеется в виду учредить надлежащий бдительный надзор, то, взирая с доверчивостью на настоящее, не теряем упования и в будущем».

— Вон куда метнул! те-те-те... знаем, как вы «не теряете упования в будущем!» И ведь как он это подвел!

Цензор уже не задумывается и зачеркивает властной, уверенною рукою, оставляя только «упование в будущем».

— Ну вот и прекрасно! и с предыдущим связь соблюдена! стало быть: «упомянутый выше проект представляет упование в будущем». Отлично! Но ведь как он подъехал! и статью-то, злодей, как озаглавил! «Сомневаться или верить»! а! *(Зачеркивает заглавие)*. Верить, милостивый государь, верить! *(Пишет на месте зачеркнутого: «И еще предлог к сочувствию»)*. Ну-с, что ж дальше? А дальше: «Ну, конечно». Эту фразу я полагаю оставить... да, ее надо оставить! Что она обозначает? О черт возьми... что она обозначает? Ну да, она обозначает... «ну, конечно»... то есть «конечно»... ну да... фу ты, черт! *(Зачеркивает)****.

— George! ты будешь с нами завтракать, друг мой? — спрашивает в эту минуту жена цензора, входя в его кабинет****.

*** Намек этот дает понятие о варварстве цензора, но с другой стороны, не оставляет без обличения и варварства нигилистов, которые, во всех своих изворотах, имеют в виду одну цель: помрачение умов.

**** Читателю может показаться странным, что я заставляю героя моего завтракать во втором часу ночи, но эта поэтическая вольность нужна была мне в двух отношениях. Во-первых, я сообразил, что ведь не скроешь же ни от кого, что действие происходит днем, а не ночью, и во-вторых, ночь мне была нужна для того, чтобы показать, какую страшную пертурбацию могут произвести занятия цензурой не только в жизни самого цензора, но и в жизни его домочадцев.

— Мой друг! я голоден, но я есть не хочу!*

— Это странно, George!

— Я сам знаю, что это странно, мой друг, но если б ты прочитала вот эту статью (*указывает на корректуры*), то поняла бы, что можно потерять аппетит, не потерявши его!

Жена цензора очень миленькая, белокуренькая немочка, с быстренькими голубенькими глазками, в которых выражается любознательность. Она берет корректурные листы и не столько читает, сколько играет ими.

— George! что такое «упование»? — спрашивает она.

— «Упование», мой друг — это такое слово, которое нарочно пишется, чтобы показать, что упования не должно быть!

— Зачем же ты, George, такие слова пропускаешь?

— А разве я пропустил? (*Читает*) «представляет упование в будущем»... гм... да!

— Ведь этак мы, друг мой, можем нашего места лишиться! — соображает жена**.

— Что ж, стоит только вычеркнуть!

— Ведь этак мы, друг мой, легко можем нашего места лишиться! — пристает жена.

— Ну что ж, и вычеркну!

— Потому что ведь этак, друг мой, мы очень легко можем нашего места лишиться! — повторяет жена.

* Это также несколько странно, но если читатель вспомнит лекции г. Юркевича о самостоятельности души, то найдет, что это странность весьма еще умеренная.

** С одной стороны, обозначает, что женщина есть фиал всякого ехидства, и что так называемые эмансипаторы суть самые пустые люди; с другой стороны, что женщины по своей прозорливости и сообразительности вполне заслуживают, чтоб их сравнивали в правах с мужчинами, и что, следовательно, эмансипаторы совсем не пустые люди.

— Отстань, сударыня! зачеркну! (Зачеркивает)***.

— Но этого для меня мало!

Цензор начинает сердиться.

— Что ж тебе нужно, сударыня?

— Но этого для меня мало!

— Да объяснись же, мой друг!

— Ты меня запер в четырех стенах этой великолепной квартиры! ты заставил меня бодрствовать по ночам!

— Что же я должен сделать, мой друг?

— Что ты должен сделать? ты спрашиваешь, что ты должен сделать? Он спрашивает!

Вбегает Коля****, розовенький и свеженький мальчик, очень похожий на мамашу; в глазах его также выражается любознательность.

— Папаша! ты будешь завтракать? — спрашивает он.

— Коля! друг мой! — говорит взволнованный цензор.

279

— Ты спрашиваешь, что ты должен сделать? — пристаёт жена.

Вбегает Джипси, резвая и милая левретка; она не спрашивает цензора, будет ли он завтракать, но лижет ему руки и веселыми прыжками очевидно доказывает, что ей было бы приятно, если б цензор пошел завтракать.

— Вот все мое семейство! — задумчиво грезит цензор. — Что с нами будет, если мы лишимся нашего места!

— Ты спрашиваешь, что ты должен сделать? — опять надоедает жена.

*** Обозначает, с одной стороны — доброту, с другой — недозволенное слабодушие. Как кому угодно.

**** Это доказывает, что у цензора могут быть дети, и еще доказывает... что мне надоело писать примечания и что читатель обязан доходить своим умом. Предупреждаю, однако ж, что мною ни одного слова не употреблено без умысла.

И она ловким движением руки разрывает корректуры пополам.

— Блаво, мамаса! — кричит Коля, хлопая ручонками. Джипси радостно лает.

Цензор стоит в некотором изумлении.

— Что ты сделала, несчастная! ты обезобразила казенную вещь! — шепчет он, приходя, наконец, в чувство.

Не знаю, как ты, читатель, но я положительно нахожу, что цензура очень полезная вещь. Охраняя общество от наплыва идей вредных, она вместе с тем предостерегает молодых и неопытных публицистов от могущих случиться с ними неприятностей. Все это так верно, так верно, что у меня даже слезы навертываются на глазах от благодарности. Но для того чтобы она достигала своей высокой цели, для того чтобы устранить из ее решений характер случайности, я полагал бы: цензоров во время исполнения ими обязанностей запиравать на ключ.

Михаил Змиев–Младенцев